

Кровь с маком

«Дикие маки» Клода Брюмашона в Москве

Коммерсантъ. — 2003. — 14 окт. — с. 2

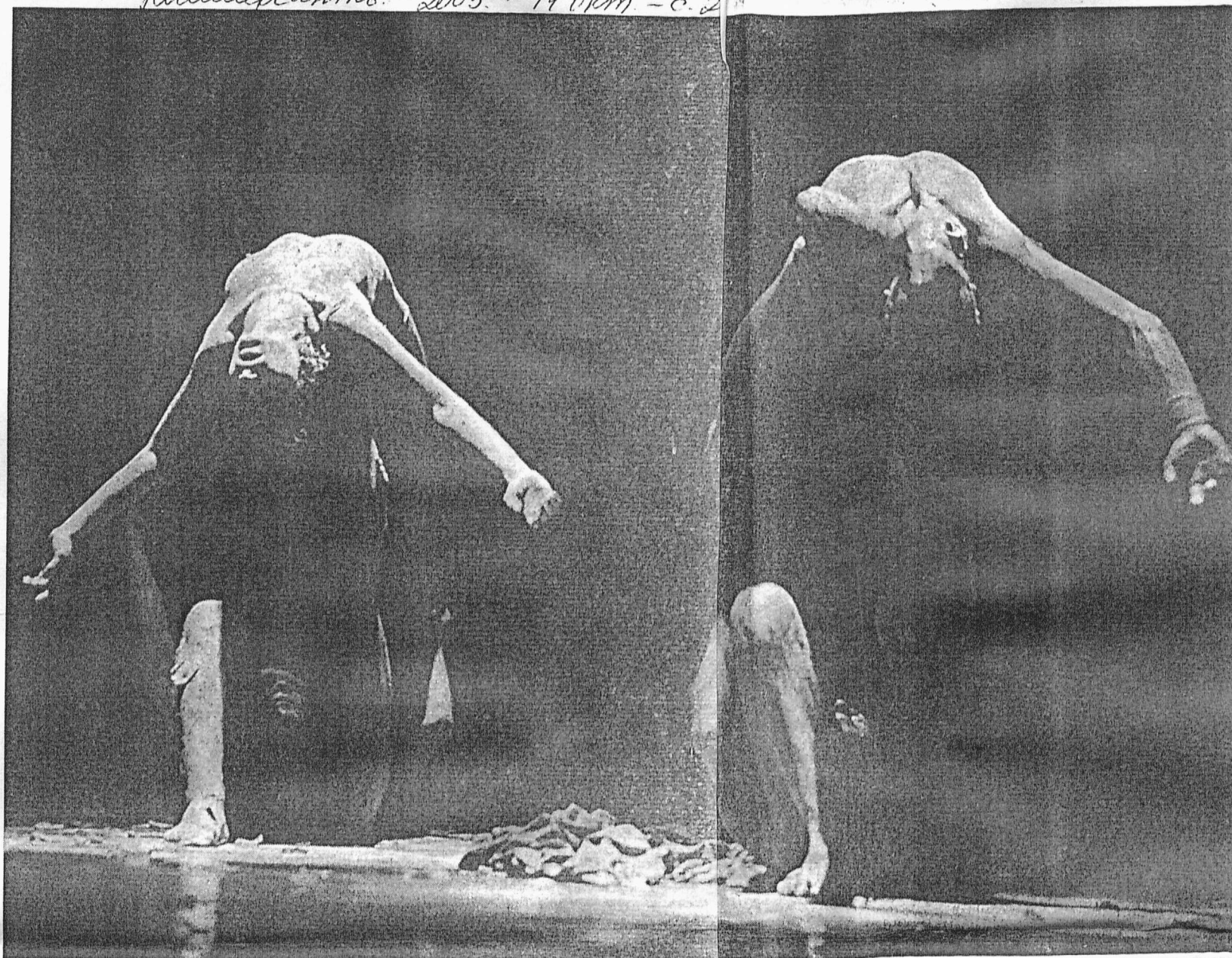
фестиваль танец

В «Новой опере» в рамках международного фестиваля современного танца DancetInver-
sion прошли двухдневные гастроли труппы хореографа Клода Брюмашона (Национальный центр хореографии Нанта) со спектаклем «Дикие маки». ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА убедилась, что секс и революция для французов по-прежнему едины.

Клод Брюмашон уже приезжал в Москву: в 1994 году его Национальный центр хореографии Нанта показывал программу под названием «Девятый вал». В те времена Россия только открывала для себя мировой, в частности французский, танец contemporary, и один факт, что художник (ру-
нец Брюмашон учился в местной Школе изобразительных искусств) может столь заразительно распорядиться как собственным, так и чужими телами, вызывал эйфорию. Русские сделали вывод, что танец — очень демократичный вид искусства, который доступен каждому, кто им увлечется, и теперь (за единичными исключениями) российский contemporary выглядит доморощенной самодельностью. Француз Брюмашон со своей труппой в это же время неустанно оттачивал формальные аспекты мастерства, так что спустя девять лет предстал перед нами почти что академиком. Неизменным оказался лишь темперамент хореографа: чувственное восприятие мира у него явно преобладает над рациональным, а романтический порыв сохранил юношескую искренность.

Действительно, только совсем молодой или очень отважный человек рискнет взять для постановки захватанную до мобильных звонков тему судьбы из Пятой симфонии Бетховена. В «Диких маках» на сцену, усыпанную красными лепестками, под эти знаковые «та-та-та-там» врываются шесть восторженных и неистовых нигилистов, прерывая интимное воркование влюбленной пары и печальный монолог неприкаянной женщины. Нельзя сказать, что музыка напрочь зарубила тему, заявленную хореографом (спектакль посвящен «тем, кто бунтует, кто грезит наяву, — этим революционерам на миг»). Равно как нельзя не признать, что буйный хореографический язык с его прыжками, вращениями, подкошенными падениями, издыманиями и заламываниями рук вполне соответствует программному бетховенскому пафосу, а динамизм танцевальной композиции — волевому порыву симфонии. Однако подразумеваемая абстракция (части спектакля называются «Мускулы», «Кости», «Кишки» — адекватнее по-русски звучало бы «Нутро») под влиянием музыки обрела недвусмысленно социальное звучание.

Вздуряженные мужчины в пальто на голое тело и взвинченные женщины-курсистки в глухих блузках схватываются в такой принципиальной хореографической рубке, что кажется, именно здесь и сейчас решается вопрос, кому идти бросать бомбу в царя-тирана. Даже прервавший



В «Диких маках» Клод Брюмашон изучает разные виды страстей, но страсти земные получаются самыми убедительными ФОТО МИХАИЛА ГУТЕРМАНА

Бетховена рев диких оленей (который ваш обозреватель приняла за хрюканье диких кабанов) не помог вывести действие за пределы революционных ассоциаций. Даже превосходно поставленное центральное трио, в котором герой (сам Клод Брюмашон, весь в белом) с отчаянием осознает свою неразрывность с антигероем (весь в черном), а женщина в красном мечется между ними, пытаясь соединиться с обоими, как бы невзначай наталкивает на мысли о роли интеллигенции в народном восстании.

Вполне избавиться от явно незапланированных хореографом клише позволяет отменный

любовный дуэт (в исполнении постоянного соавтора и верного друга господина Брюмашона танцора-хореографа Бенджамена Ламарша в паре с неназванной танцовщицей). Слепленный из яростных накатов желания и долгих обмороков бессилия, из захватнических набегов на чужое тело и ликующего упоения импульсами собственного, он легко рушит оковы героического пафоса, переводя действие в куда более увлекательную интимную сферу. Последнюю попытку вывести универсальную формулу индивидуального счастья хореограф предпринимает в финале, выводя на сцену полуобнаженные пары (одна из

них — гомосексуальная) в синхронном тройном адажио. Вымазанные гримом, как глиной, эти Адамы и Евы словно перелистывают альбом с редковскими эскизами, примеряя всевозможные позы любви под льющим светом колосников обволакивающим светом. Но 45-летний хореограф не хочет показаться излишне наивным, рекомендуя культурный секс как панацею от бед: свет угасает, задерживаясь на задрапированной от макушки до пят женщине, под звучащего во мраке Бетховена. Дрейфующий к академикам Клод Брюмашон славе сексолога явно предпочитает репутацию последнего романтика XX века.